

БЕЗ ВИННЫХ? ВИНОВАТЫЙ?

Моск. комсомолец - 1994 - 21 апр.

Паузы... Многоочия... Выворачиваться наизнанку — это вам не про творческие достижения рассказывать. Ответы сдержанны, лексика суха. И я, запуская руки в чужую душу, чувствую себя неловко (кто я — следователь или психоаналитик?), пытаюсь продрасть к сути семейной драмы, постичь ее причинно-следственные связи.

Образцово-показательный дуэт Табаков — Крылова распался. Прожив 34 года, Олег Павлович и Людмила Ивановна развелись. Их двое детей — Антон (34 года) и Александра (28 лет) в этом конфликте — на стороне матери. Рядом с Олегом Павловичем — другая женщина. Судя по всему, на подступах к своему 60-летию он начал новую жизнь.

— Олег Павлович, когда мужчина начинает новую жизнь, он, наверное, говорит себе: "Ну вот, начинаю новую жизнь". Принимает ванну, бредит, выпивает чашечку кофе — и вперед?

— Нет, я сделал по-другому. Я поехал к моей матери на кладбище. Там лежат моя мама и вторая моя мама — соседка, которая воспитала меня и моих детей. Я приехал к ним, убрал могилу. Я всегда так делаю, когда ситуация обостряется. А вот жена моя считает, что не надо хорониться, надо развеять прах свой по миру.

— Лучший друг призрака коммунизма — Фридрих Энгельс тоже так считал...

— Я понимаю. Но это прямо противоположно моему мнению. Я думаю, что моя любовь к земле русской складывается из памяти моей, могил бабушки одной, другой, отца моего, первой театральной учительницы, могилы моей мамы и второй моей мамы.

— Вы родственный человек?

— Да, я помогаю своим близким. Не надо об этом писать. Я взял в Америку своего трудно живущего племянника, чтобы он прожил месяц там и из интроверта, может быть, стал другим человеком. Я это сделал потому, что считал нужным это сделать. А близкие мои были уверены, что это показуха. Я помогаю своему двоюродному брату. Они говорят — опять "показуха". Моим близким кажется, что вокруг меня одни холуи и подхалимы. И только одни они, то есть близкие, — носители истины обо мне, правдивого и трезвого взгляда.

— Судя по всему, у вас натянутые отношения с родными, детьми...

— Вот я сейчас вам объясню. Когда мой отец ушел от матери (мне было 12—13 лет), я испытал ни с чем не сравнимую физическую боль оттого, что у меня нет отца. Испытав эту боль, я думал, что никогда не смогу причинить ее своим детям. Вот в чем тут дело. Но, несмотря на все мои грехи, романы, увлечения, я все равно возвращался в свое стойло. По сути дела, можно сказать, что ложь никогда не проходит бесследно. Она отравляет жизнь.

— А кто вас обманул?

— Я обманул. Уходя куда-то и возвращаясь. Уходя и возвращаясь, я обманывал жену, детей, а главное — себя самого.

— И тем не менее я хотела бы знать, какова причина вашего ухода из семьи. Шерше ля фам?

— Нет.

— Тогда что?

— Дело в том, что в какой-то момент мне казалось, что не уважают то, что я делаю. Не уважают. Фамильярничают. Единственное, чего я не прощаю людям, — хамство в адрес моих занятий.

— А что самое обидное сказали, например, ваши сын или дочь, чего вы не смогли им простить? Или забыть?

— Не в частных делах, поверьте мне. И не в словах. Это означает, что они не ощущают себя связанными со мной.

— Может быть, я заблуждаюсь, но мне всегда казалось, что в дурных поступках детей виноваты прежде всего родители, их воспитание...

— Я всегда воспитывал детей личным примером. Тем, как я жил. Что для меня было главным. Но мне однажды было сказано: "Ты же умрешь в одиночестве. И вообще, квартира..." Я не говорю, хорошо это или плохо. Это, может, и есть ответ на вопрос, какое место я занимал в жизни моих близких.

— Благодарю за откровенность, я услышала конкретный пример. Иначе ваше состояние считала бы эмоциональным порывом: "Меня не уважают, не понимают..."

— Разве я произвожу впечатление эмоциональщика? Когда такое случилось, во мне что-то умерло. Вот и все.

— Это все так. Я не неблагодарный человек. Этого во мне нет. Мне кажется, я помню все доброе, что было у нас. Жена сделала максимум для того, чтобы я встал на ноги, когда у меня случился инфаркт, и многое другое...

Почти 34 года мы прожили вместе. Еще раз

— Прошло еще мало времени, чтобы говорить об этом.

— Я чувствую, вы обижены на близких. Это значит, что вы не поддерживаете никаких отношений с ними.

— Нет. Хотя сын поздравил с днем рождения. Не поддерживаю потому, что думаю, у них нет потребности в этом.

— А у вас потребность общаться есть?

— С внучкой. К сожалению, ее два раза привозили ко мне. Это боль моя. Я люблю внучку очень. Она кажется мне моим продолжением.

— Каким бы одним словом вы охарактеризовали ваше душевное состояние?

В "стойло" не вернулся

говору — многое было прекрасно. Для меня худшие человеческие грехи — это когда люди забывают добро и родство свое...

— Расстаться — это было ваше обоюдное желание?

— Не совсем. Я поставил жену перед фактом.

— Представляю, какой для нее это был удар.

— Я не знаю, был ли для нее это удар, скорее неожиданность, потому что в конфликтах наших, доходя часто до предела, она нередко говорила: "Нам надо разойтись".

— Все же я хочу понять, что вызывало ее раздражение в этих конфликтах?

— Моя автономия.

— Расшифруйте, что это такое.

— Особенности моей профессии диктуют автономии человека, независимости его жизни.

— Как женщина, я понимаю вашу жену. Ей в отличие от вас сложнее начать новую жизнь. Вам не жалко ее?

— Да, ничего сказать не могу. Наверное, это надо было сделать раньше, десять лет назад. В этом моя вина перед ней.

— Олег Павлович, вы сталкивались с мнением: "Табакову захотелось молодой жены" — в общем, седина в бороду, бес в ребро и так далее?

— Знаете, у меня довольно регулярно была возможность "быть с молодой и красивой". Я, видимо, отношусь к категории тех "субъектов Федерации", которые не утратили привлекательного товарного вида.

— Да вы ходок, как я посмотрю...

— Да. Это, наверное, дано мне.

— Но Марина Зудина вошла раньше в вашу жизнь или после развода с Людмилой Крыловой?

— Нет, она была. Все и началось еще тогда, когда она училась у меня в училище. Но я никогда ничего не обещал.

Когда у меня случился инфаркт и я умирал, я перестал врать. Знаете почему?

— Почему?

— Потому что очень много запоминать надо.

— Интересно, как круг ваших знакомых оценил ваш поступок?

— С широко открытым ртом.

— Была подорвана репутация образцового семьянина? Или, напротив, все сказали: "Ну, у них все шло к разводу..."

— Я никогда не производил впечатления человека, у которого все к этому шло. Я тихушник. Я никогда не демонстрировал ничего. Это слагаемые моего характера, возможно, недостаток.

— А были среди друзей те, кто перестал подавать вам руку?

— Нет.

— Уйдя из семьи, вы делили имущество?

— Нет. Я купил себе квартиру. Все, что было, оставил. Как можно делить то, что я покупал ей в свое время, — драгоценности, вещи какие-то.

Но у меня есть комплекс вины своего отца, который оставил в свое время меня одного.

— А сейчас, после получения вольной, ваши отношения с женой улучшились?

— Я думаю, что я выгляжу лучше. Я в форме. У меня ум с сердцем в ладу. Марина для меня — подарок судьбы.

— Не знаю, как спросить. У вас серьезная разница в возрасте. Или вы считаете, что человек с вашими деньгами не бывает старым?

— Любовь можно кушать ненадолго. Надолго купить любовь никому не удавалось.

— Олег Павлович, вы не задавали себе вопрос, который неизбежно задают себе мужчины, оказавшись на вашем месте...

— Надолго ли это? — хотите спросить.

— Точно.

— Ха-ха-ха. Я думаю, что я никогда не отягчу близкого человека собою. Гордыня во мне велика. Я никогда не позволю женщине, которая будет со мною, находиться в статусе сестры милосердия. Помилуйте, я живу методом проб и открытий. Мне просто весело заниматься этим делом — жизнью. Ведь в этом и есть главное чудо, подарок судьбы — у меня есть возможность жить. Вот и все. Это ни с чем не сравнимо.

Поверьте, для меня не в тягость будет, после того как мы закончим наш разговор с вами, пойти и вымыть эти чашки. Это я не к тому, что я такой демократ, а к тому, что я привык обихаживать себя. Я уже 16 лет, с момента первого выезда за границу, содержу себя. Стираю свое белье, носки, сам все делаю. Во всяком случае, я могу сказать, что комфортность бытия всегда была для меня подарком, а не правилом жизни. Я знаю, что такое голод. Я знаю, что такое воровать от голода. Это я к тому, что никогда ничего не боялся.

— Но у вас такой темперамент, Олег Павлович, что я думаю иначе поставить вопрос: может быть, не Марина, а вы ее оставите?

— Я буду с человеком до тех пор, пока не стану в тягость. Я вообще не прекраснотушный человек. Я довольно трезво смотрю на себя. Я не подарок, я эгоист, я человек, повторяю, для которого работа и есть способ существования. Я люблю этим заниматься, что для близких радостным быть не может.

— А почему тогда вы не спешите домой, а третий час подряд беседуете с журналистом... Уже полночь, между прочим.

— Потому что вы задаете вопросы. Ха-ха. Это означает, что та, к кому я мог бы стремиться, ночью занята на съемках.

— Можно ли утверждать, что Олег Табаков начал строить новую семью?

— Я думаю, что просто всему отмерено свое время. Если мне это дано испытать, я должен это испытать. А потом посмотрим, на что я гождусь и на что я имею право. Дай бог. Я думаю, что в конечном итоге природа одаривает нас разными способностями, в том числе и способностью любить одаривает в не меньшей мере. Я и фаталист к тому же.

— В 58 лет начав новую жизнь, какой образ перед собой видите — небо, дальнюю дорогу или тупик?

— Нет, я вижу круг дел, которые должен сделать. Я жизнью своею оплачиваю свои слова, и весь вопрос в том, чтобы иметь мужество сказать себе, что на сегодня ценности поменялись.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА